

НОВОЖЕНОВ — ЕДИНСТВЕННЫЙ МУЖЧИНА,

которому Воеводин не в силах отказать

Группа «Сегоднячко» напоминает муравейник, обитатели которого — бойцы отряда быстрого реагирования. Странно, как люди, мечущиеся в броуновском движении по большой и накуреной комнате, не задвигают за углы столов. Впрочем, суетятся не все обитатели муравейника: Игорь Воеводин неспешно, как морской тихоход, проплывает по комнате и мягко прищвартовывается к креслу. Не прошло и полгода с той поры, когда Воеводин, радуясь своему уходу с телевидения (о чем «ВМ» сообщала летом), пел мне песню, как он будет удить рыбку на шведских озерах и приходить в себя после телевизионной гонки и нервотрепки. Воеводин мечтал о книгах, которые он напишет, о документальном кино, которое он снимет, о тайм-ауте... Тайм-аут закончился так же быстро, как летние каникулы.

— А как же рыбка, кино, книги?... Знаешь, я понял, Новоженев — единственный мужчина, которому я не в силах отказать. По-моему, я был согласен до того, как он сделал мне предложение. Ну, что мне было — ломаться?

— Со своим свободолобием сколько ты думаешь протянуть под чутким руководством Льва Юрьевича?

— Я стараюсь не думать об этом. Когда я возвращаюсь из очередной командировки — то есть из какой-нибудь дыры, то клянусь, что больше никогда туда не поеду. Уже через две недели меня снова тянет в какие-то похабные гостиницы с крысами и без воды. Там я чувствую жизнь (пусть не слишком пафосно это звучит).

Так я второй раз в жизни пошел в подданные ко Льву Новоженеву. Я не искал работы. У меня были и есть свои сольные проекты. И меньше всего мне хотелось ежедневной программы, поскольку этот акт мне давно известен. Я пошел к Лева. С ним тяжело, но интересно работать.

— Почему интересно, можешь не объяснять, а вот про «тяжело», будь добр, расскажи.

— У Новоженева есть одна особенность, которую мне очень хотелось бы культивировать и в себе тоже, — он не жалеет никого на том основании, что он не жалеет и себя. Если он рвется на части, то и от других требует того же. За вальяжностью и смиренностью Льва стоит достаточно жесткий трудоголик. Мне кажется, что больше, чем я, работать невозможно. А он пашет в два раза больше.

— Тебя не смущает, что «Времечко» и «Сегоднячко» сегодня близнецы-братья?

— Смешно, когда Льва Новоженева обвиняют в плагиате собственных идей. Когда мы начинали «Времечко», это была «terra incognita». Почему мы должны сегодня отказываться от того, что было придумано нами? Мы ни в коем случае не будем повторять «Времечко», может быть, даже будем диаметрально противоположными программами.

Да мы и сами уже другие, а вот какие — не скажу. Идей, которые вот-вот проявятся на экране, — миллион. Здесь, на телевидении, идеи крадут часто до того, как они воплотятся.

Новоженева в комнате замечаешь последним: шеф «Сегоднячка», как полководец муравьиного войска, выбрал себе местечко за шкафчиком, с которого хорошо просматривается вся территория.

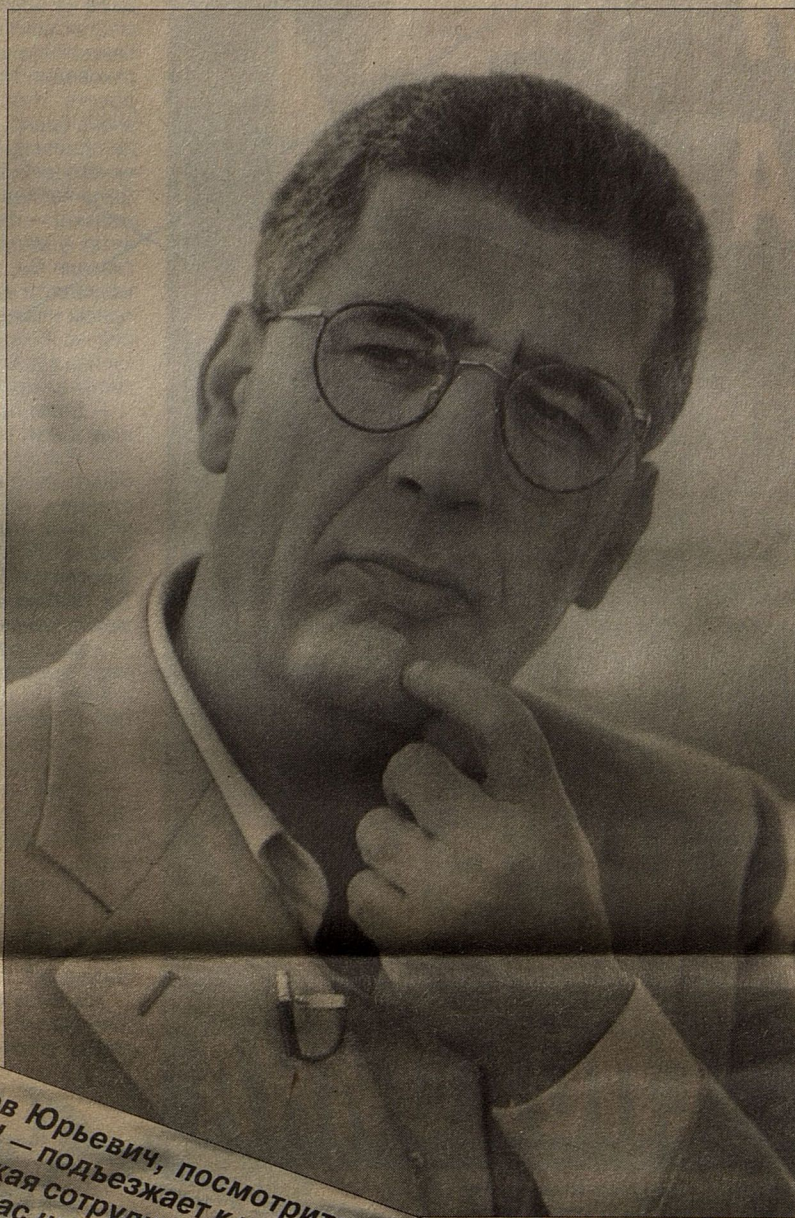
— Лев Юрьевич, а у вас, кажется, сильная интуиция. В новом сезоне телесетка выплонула, как косточки, многие (если не почти все) программы «АТВ», а вы предусмотрительно перепрыгнули на другой канал.

— Всегда виноват продюсер, он — конечное ответственное лицо. Как бы это ни было грустно, надо найти в себе мужество понять, что начинается новый сезон, изменяется сетка... Поверьте, никакой радости или злорадства, что из этой сетки выпали программы «АТВ», я не испытываю. Жалко... Уходил я болезненно. Конечно, было предчувствие, что если вести так дальше политику телекомпании, ни к чему хорошему это не приведет.

Это старая тема — «Крысы бегут с корабля». Никому не хочется быть крысой, это отвратительное животное в человеческом помыслнике. Крысы, змеи, гады ползучие... но для природы нет ничего отвратительного. Умные люди это понимают. Крысы играют важную роль — они предупреждают человека, что корабль дает течь.

— Но на этом корабле вы стали из человека пишущего человеком телевизионным.

— Безусловно. Авторское телевидение было плодотворным временем для меня. Там я стал телевизионщиком, а литератором я стал в «Литературке». У меня

— Лев Юрьевич, посмотрите, пожалуйста! — подъезжает к начальнику хорошенькая сотрудница.
— Сейчас шесть часов! И вы с десяти утра пишете эти три фразы? — тихо, но твердо недоумевает Новоженев.
— Да нет, я уже другие три фразы написала... — обижается сотрудница (из рабочей обстановки «Сегоднячка»).

также есть благодарность к своему детскому саду, к школе — поверьте, там были замечательные люди... Но это, надеюсь, не значит, что я там должен был остаться? Когда ты проходишь какой-то этап, жизнь сама выталкивает тебя в новую ситуацию.

— А можно ли назвать программу «Сегоднячко» такой уж новой ситуацией?

— Да. «Сегоднячко» и «Времечко» будут все меньше и меньше походить друг на друга. Обычный массовый зритель этого пока не видит. Другое дело — что видит зритель наблюдательный и изощренный. И третье — то, что видят профессионалы.

— Теперешнее «Времечко» вызывает в вас конкурентный азарт?

— У меня конкуренты все, кто не я. Все телевидение. В этом смысле «Времечко», конечно, конкурент. Не больший, чем другие информационные программы.

— Ваше новое детище — «Ста-

рый телевизор». Эта программа рассчитана на очень взрослую аудиторию, которая будет ностальгировать по прошлому?

— Эта программа достаточно универсальна. Взрослыми люди бывают не только по возрасту, но и по характеру своего сознания, по степени зрелости. Пушкин был довольно молодой человек, когда он стал писать историю пугачевского бунта. На какую аудиторию он рассчитывал — на пожилых, что ли? И среди молодежи есть люди зрелые, в которых проснулся интерес к жизни вообще — и к ее настоящему, и к прошлому. Да, наверное, это программа не рассчитана на зрителей «Партийной зоны».

— Лев Юрьевич, когда вы вели замечательную рубрику «Ф» в московской газете, то как-то признались, что эти две странички в неделю отбирают у вас массу здоровья — стоят вам две пачки сигарет. Сколько же сигарет стоят две ежедневные программы?

— Тогда мне казалось, что я погибаю на работе. Теперь я понимаю, что ресурсы человеческого организма безграничны.

— Вам не кажется, что телевидение вас съело?

— Я — колючий, я себя съесть не дам, ни телевидению, ни чему-либо другому. Я сопротивляюсь. Да нет, видимо, что-то осталось еще, кроме телевидения, что не надорвало. Вот на днях участвовал в концерте в «России». Я давно на сцену не выходил, но как-то вроде ничего, не забыл...

— А как вас представили? — Как полагается. Бывший автор

эстрады, телеведущий.

— Эстрадная пора в вашей жизни как старый телевизор? Или подспудно в вас живет желание написать монолог Тети Сони?

— Мне сейчас не хочется писать монологи для актеров. Если мне и хочется монолога, то — для самого себя. То, что я бы написал сейчас, вряд ли напомнило бы милую вам рубрику «Ф». Ее время прошло. Сколько людей сейчас живет таким образом — пишет две странички в неделю, и им кажется это нормой? Я с улыбкой сейчас эти слова свои вспоминаю.

— Что еще в собственном прошлом вызывает у вас улыбку?

— Раньше я жил в таком необязательном режиме: творил то по вдохновению, то по необходимости — непонятно, где будни, а где праздники. Теперь живу, как жили наши предки — рабочие люди, которые много работали, уставали, валились с ног, крепко спали и отдыхали в конце недели.

— Образ жизни трудоголика, наверное, здорово напрягает ваших родных и близких. Когда же вы дочку-то воспитываете?

— Я не Песталоцци и не Макаренко. Детей воспитывает среда, и я часть этой среды для своих детей. Сколько мужей и жен с утра до вечера пестуют своих детей и не имеют на них никакого влияния? А есть дети, у которых отцы капитаны дальнего плавания, — значит, они по определению плохие отцы, что ли? Я люблю свою дочь, и мне бы хотелось, чтобы она об этом знала. А какой я отец? Это ей говорить об этом. Во всяком случае, я не путаюсь у нее под ногами.

— О команде, создавшей «Времечко» с нуля, ходили легенды как о крепкой телевизионной семье. А на самом деле...

— Вы думаете, я опровергать буду? «Битлы» тоже напоминали семью. Но семьи тоже раскалываются, люди женятся, расходятся... Все по житейским законам. У меня даже перед сыном нет таких обязательств — кормить его всю жизнь. И перед дочерью.

— На телевидении, наверное, сложно дружить семьями?

— Это очень разные понятия — дружба и работа. Их часто путают. В творчестве союзники временные. Дружба не может определять характер вашего творчества. Может быть, наоборот — творчество определяет характер вашей дружбы.

— Круг общения меняется вместе с тем, как меняется все вокруг тебя. Творческий человек иногда начинает надоедать самому себе. Ему хочется перейти на другую ступеньку, стать немножко другим. На этом пути ему многое может мешать, в том числе и дружбы всякие. ...Художник как собака. Вот она убегаем в лес, в поле... она же не читает никаких фармакологических справочников, чтобы найти именно ту траву, которая спасет ее от болезни, которая ей нужна. Природа подсказывает ей. Художник также находит людей, нужных и полезных ему в данный момент. Вообще художники — большие эгоисты. Только этот эгоизм высшей пробы, потому что они работают для того, чтобы другим было интересно жить.

— Вы эгоист?

— А как же.

Мешала работать Новоженеву и Воеводину Юлия АЛЕКСАНДРОВА Фото Бориса КУДРЯВОВА

Новоженев Лев

15.10.97